

Ли Сянъи после этих слов потер мочку уха и лишь улыбнулся, хотя в душе почувствовал неловкость. Отвечать он не стал, а просто поднялся и жестом подозвал трактирного слугу, чтобы тот принес еще несколько блюд.

Улыбка Шань Гудао не угасала, но Сэссёмару уловил исходящий от этого человека все более густой, зловонный дух. Он впервые поднял взгляд и бросил на Шань Гудао холодный, изучающий взгляд.

Шань Гудао невольно задрожал, улыбка мгновенно сползла с его лица. Он крепко сжал рукоять своего меча и, напрягшись, настороженно уставился на Сэссёмару.

Заметив такую реакцию, Сэссёмару равнодушно отвел глаза и, подцепив палочками кусочек пирожного с османтусом, продолжил трапезу, словно лишь случайно взглянул на муравья у своих ног.

Как только этот холодный взгляд переместился в сторону, Шань Гудао тихо выдохнул с облегчением. Он проникся к этому человеку невероятной опаской, предположив, что тот, должно быть, ученик какого-нибудь скрывающегося от мира мастера, взявшего себе другое имя.

Вместе с облегчением в душе Шань Гудао всколыхнулось чувство унижения. Такие люди! Такие высокомерные гении — они точно так же раздражают, как Ли Сянъи!

Ли Сянъи, Сэссёмару! Это вы — ничтожные букашки, а я, Шань Гудао, рожден для величия! Однажды... однажды всё изменится!

Размышляя так, Шань Гудао постепенно вернул на лицо улыбку. Он посмотрел на присевшего Ли Сянъи и мягко произнес:

— Младший брат, ешьте пока с братом Ша, я устал с дороги, завтра вместе отправимся в путь.

Ли Сянъи, глядя на приветливое лицо старшего брата, не мог понять, задело ли того отношение господина Ша. Но, подумав, решил, что брат не из таких мелочных людей и, вероятно, действительно просто выбился из сил. Он кивнул, не став ничего добавлять, а Шань Гудао, видя это, лишь сильнее затаил в глубине души обиду.

Когда старший брат отошел, Ли Сянъи посмотрел на невозмутимо обедающего Сэссёмару и всё же не удержался:

— Брат Ша, ты не любишь моего старшего брата?

Сэссёмару слегка приподнял веки:

— Люди для меня...

Он хотел было сказать, что ничтожные люди вовсе не стоят его внимания, но, вспомнив свое недавнее поведение, проглотил эти слова и произнес:

— От него исходит смрад, в котором смешались ненависть, зависть и кровавая грязь убийств.

Сказав это, он умолк. Ли Сянъи же в тот момент замер. Он посмотрел на комнату, где уединился старший брат, и невольно сжал кулак. Брат Ша никогда не опускался до пустых суждений о людях или вещах — если он что-то сказал, значит, он действительно это почувствовал.

Но... оценка брата Ша была слишком...

Брат вырос вместе с ним, с малых лет оберегал его, их связывали глубокие узы. Ли Сянъи не мог поверить, что брат — человек низкий.

Подумав об этом, Ли Сянъи снова спросил:

— Брат Ша, это только мой брат вызывает у тебя такое чувство, или большинство людей для тебя пахнут так же?

Сэссёмару слегка поднял взгляд:

— Люди — слабые существа, изначально наполненные всякой грязью и негативными эмоциями.

Услышав это, Ли Сянъи вспомнил, что великие ёкаи всегда смотрели на людей свысока. Человеческие сердца сложны и полны противоречий, это еще не доказывает порочность его брата. Он облегченно вздохнул, однако слова Сэссёмару всё же оставили след в его душе.

Во второй половине дня Шань Гудао отдыхал в комнате. В городке Цинфэн было много странствующих воинов, имелся и свой конный рынок, поэтому Ли Сянъи предложил купить лошадей, чтобы вместе продолжить путь.

Сэссёмару, вспомнив о неразумных животных, не хотел идти, но не смог устоять перед доводами Ли Сянъи о том, что для господина Ша нужно выбрать самого статного и красивого коня. В итоге он позволил увлечь себя на рынок.

Запах на рынке был настолько тяжелым, что Сэссёмару пришлось задержать дыхание. В душе он немного пожалел о том, что был слишком снисходителен к этому человеку, но так и не решился высвободить рукав, за который тот его тянул.

Хотя Сэссёмару не мог использовать демоническую силу, одного лишь его естественного запаха великого демона, если не скрывать его намеренно, было достаточно, чтобы напугать зверей. Стоило ему выпустить лишь крошечную долю своей ауры, как все лошади вокруг задрожали, и только один крупный гнедой конь с гладкой шерстью и белыми «снежными»

копытами смотрел на него живым, полным задора взглядом.

В конце концов, под холодным взглядом принца Сэссёмару, Ли Сянъи успешно приобрел этого «короля лошадей» всего за семьдесят серебряных лян, а продавец в придачу накинуд мешок бобовых лепешек.

Провожая взглядом двух прекрасных юношей, которые, как им казалось, совершили выгодную сделку, торговец вытер лоб и счастливо спрятал серебро. Наконец-то он сбыл этого строптивого коня! Эти двое явно не местные, а значит, жалобы не принесут — конь ни возить грузы, ни скакать под седлом не желал, только и знал, что лягаться. Комиссионные у него в кармане!

День и правда выдался удачный!

Купив лошадь, они гуляли до самого вечера. Ли Сянъи приобрел для Сэссёмару два комплекта новой нижней одежды, а увидев красивые наряды, не удержался и купил по паре обновок и для них самих, не забыв и про сладости. Вскоре их руки были заняты покупками.

Вернувшись в постоялый двор, Ли Сянъи зашел в комнату, достал кошелек с деньгами, который дал ему учитель, и пересчитал их. Он застыл на месте!

Пятьсот лян серебра превратились... в три бумажки? И осталось всего шестьдесят с небольшим лян мелочью.

Юный герой, впервые спустившийся с гор, был поражен, как громом. Прошло меньше десяти дней... Неужели деньги так быстро тают? Похоже, наряду с борьбой со злом нужно учиться и зарабатывать.

Вечером Ли Сянъи постучал в комнату брата, чтобы узнать самый быстрый способ заработка. Узнав, что это поимка преступников из списка розыска, он со спокойной душой вернулся в свою комнату и лег спать.

События, произошедшие после спуска с гор, постоянно меняли представление Ли Сянъи о мире. На третий день пути Шань Гудео собирался везти брата в город Янчжоу, где было полно героев и его знакомых, но по дороге они услышали, что Три банды Дунлина осадили клан Хэ «Длинный конный меч».

В чайной, услышав эту весть, Ли Сянъи спросил Шань Гудео:

— Брат, если я не ошибаюсь, клан Хэ давно отошел от дел и покинул мир боевых искусств? Что это за осада?

Шань Гудео помолчал, раздумывая, а затем ответил:

— Видимо, у них старые счеты. Клан Хэ в свое время нажил состояние нечестным путем, святыми их не назовешь. Это их кровная вражда, нам лучше не вмешиваться.

Ли Сянъи покачал головой:

— Они годами не показывались в мире, там женщины, старики и дети, сплошь невинные. А Три банды Дунлина известны своей жестокостью. Нет, брат, господин Ша, мы должны пойти и взглянуть.

Сэссёмару кивнул. Ли Сянъи шел по пути поиска своей собственной силы, и Сэссёмару никогда не возражал против его выбора.

Видя решимость в глазах Ли Сянъи и согласие Сэссёмару, Шань Гудао, прикрываясь высокими идеалами, не смог отказаться. Пока его спутники отправились в город разузнать обстановку, он зашел в лавку тканей.

Они мчались во весь опор. Когда до окраины Кайфэна, где находилось поместье клана Хэ, оставалось полдня пути, Шань Гудао натянул поводья и обратился к недоумевающему младшему брату:

— Сянъи, ты впервые в походе, господин Ша тоже новичок в этих делах. Это рискованно, я сам схожу, а вы не лезьте в опасность.

Ли Сянъи покачал головой и твердо произнес:

— Меч Шаоши в моих руках служит справедливости. Клан Хэ давно сложил оружие, а Три банды прикрываются борьбой с разбойниками, лишь чтобы завладеть их небесным облачным железом. Я, Ли Сянъи, не могу стоять в стороне!

Шань Гудао, полный притворного беспокойства, снова попытался отговорить его:

— Сянъи...

Сэссёмару, который ни на грош не верил в искренность этого подонка, холодно бросил:

— Шумно! Поехали!

Ли Сянъи и Сэссёмару пришпорили коней. Шань Гудао, глядя на спину Сэссёмару, стиснул зубы. Хотя он знал, что тот — калека, но страх, внушенный им в первый же день, был слишком велик. Он не осмелился перечить и поскакал следом.

Стук копыт затих. Чья-то рука подняла обрывок ткани, упавший на землю, и тут же в небе один за другим взорвались красные сигнальные огни.

Они еще не успели войти в поместье, как Сэссёмару ощутил густой запах крови. Он

нахмурился, остановил своего коня, которого Ли Сянъи назвал Тасюэ, и не стал входить.

Ли Сянъи тоже всё понял. Он спрыгнул с седла и несколькими прыжками оказался внутри поместья, Шань Гудао последовал за ним.

Ворота были распахнуты настежь. Повсюду — на дверях, стенах, карнизах и каменных изваяниях — брызги крови. Земля была усеяна телами, разрубленными мечами, вокруг валялись отрубленные конечности. Старики, дети, женщины, слуги, господа...

Ли Сянъи почувствовал головокружение, словно это видение было ему знакомо. Он отогнал навязчивые мысли и пошел вперед, проверяя, жив ли кто-нибудь.

Но в главном дворе из семидесяти шести человек не осталось ни одного живого!

Ли Сянъи с болью смотрел на тела. Вдруг на ступенях главного зала он заметил мужчину средних лет в синем шелковом халате, сжимавшего в руках длинный нож. Тот тяжело дышал, пытаясь заползти в дом, но обессиленно упал. В этот момент из комнаты выбежал маленький мальчик, бросился к нему и зарыдал:

— Проснись, папа, ну проснись же!

Шань Гудао подбежал к ним и, приподняв тяжело дышащего мужчину, участливо спросил:

— Глава клана Хэ, что случилось?

Глава клана посмотрел на рыдающего младшего сына, затем на пришедших — это были не люди из Трех банд и не те, другие, неизвестные захватчики. Видя, что перед ним люди с благородными лицами, а времени у него почти не осталось, он со слезами взмолился:

— Герои, умоляю вас, спасите моего сына, отвезите его в город Лоян, к его деду по материнской линии.

Ли Сянъи серьезно ответил:

— Не волнуйтесь, мы обязательно...

В этот момент Шань Гудао резко прервал его:

— Младший брат!

Ли Сянъи вскинул голову, но Шань Гудао, не глядя ему в глаза, продолжил:

— Я слышал, у клана Хэ есть небесное облачное железо, мягкое и твердое одновременно...

Ли Сянъи замер, не веря своим ушам. Он посмотрел на старшего брата.

Глава клана Хэ, услышав это, погрузился, но выхода у него не было. Он уставился на юного мечника в белом:

— Герои, как только мой сын будет в безопасности, он сам скажет, где железо!

Ли Сянъи твердо посмотрел на брата:

— Не нужно этого. Пользуясь чужим горем, героями не становятся!

Шань Гудао невозмутимо повернулся к младшему брату и мягко ответил:

— Я лишь опасаюсь, что эта вещь попадет в руки злодеев.

Затем он снова посмотрел на главу клана, с самым праведным видом добавив:

— Глава Хэ, не беспокойтесь, мы доставим вашего сына в целости и сохранности!

Ли Сянъи облегченно выдохнул и серьезно кивнул главе клана.

Глава Хэ посмотрел на своего рыдающего сына и с трудом поднял руку, чтобы коснуться его лица:

— Жуй-эр, перестань плакать, будь сильным! Отныне клан Хэ в твоих руках. Не мсти за нас, я лишь хочу, чтобы ты жил. Иди с этим юным героем, он отвезет тебя к деду...

На этом силы покинули главу клана Хэ. Изо рта хлынула кровь, взгляд затуманился, рука безвольно упала на землю. До последнего вдоха он шептал:

— Живи... живи...

Родительская любовь... даже на пороге смерти единственное желание — чтобы дитя просто жило.

Шань Гудао остался равнодушен, но Ли Сянъи показалось, что он уже слышал когда-то подобные слова, призывающие его жить...

Глава клана Хэ скончался. Хэ Саньлан словно повзрослел в одно мгновение. На детском лице проступила твердость. Он вытер слезы, низко поклонился Шань Гудао и Ли Сянъи и хрипло произнес:

— Благодарю вас, герои, Хэ Жуй в неоплатном долгу!

Ли Сянъи похлопал его по плечу:

— Я найду людей, чтобы помочь предать тела земле. Когда доберешься до деда, он поможет тебе устроить похороны.

Услышав это, Хэ Саньлан снова заплакал, но упрямо смахнул слезы. Он слышал разговор этих двоих с отцом, и теперь в его взгляде, обращенном к Ли Сянъи, было искреннее доверие. Он еще раз низко поклонился.

Шань Гудао, наблюдая за этим, закипел от ненависти, и в его глазах, когда он смотрел на мальчика, промелькнуло убийственное намерение. Опять то же самое! Стоит появиться Ли Сянъи, как все тянутся к нему, а его, Шань Гудао, никто не замечает.

Ли Сянъи вышел из поместья и встретился взглядом с Сэссёмару. Все сложные чувства в его душе немного улеглись. Он хотел было предложить господину Ша помочь с делами, но вспомнил его слова о брате и то, как вел себя брат в поместье. Он обернулся на поле смерти и долго молчал, прежде чем подойти к Сэссёмару.

Сэссёмару почувствовал исходящую от Ли Сянъи печаль и, заметив его нахмуренные брови, редко для себя спросил:

— Что случилось?

Ли Сянъи тяжело вздохнул:

— Семьдесят восемь человек клана Хэ, кроме одного ребенка, все убиты... Брат Ша, я просто думаю, что из-за жадности, прикрываясь пустой моралью, люди так легко отнимают жизни, так безжалостно губят невиновных. Этот мир боевых искусств... он слишком ужасен.

Сэссёмару смотрел на его скорбное, еще по-юношески наивное лицо и впервые не счел человеческое сострадание смешным. Он вдруг спросил:

— Ли Сянъи, зачем ты ищешь силу?

Ли Сянъи замер, удивленный вопросом великого демона. Зачем?

Он долго думал. Вспомнил момент, когда впервые взял в руки меч, вспомнил учителя и учительницу, брата Ша, людей, которых видел по пути, погибших стариков и детей из клана Хэ...

Он поднял голову к небу. Солнце и белые облака плыли в синеве. Печаль на его лице сменилась решимостью. Он серьезно посмотрел на Сэссёмару:

— Брат Ша, обретя силу, я смогу мечом защитить тех, кто мне дорог. Я смогу возвысить голос за слабых и призвать сильных к ответу! Я буду своим мечом карать зло, помогать нуждающимся и восстановлю справедливость в мире боевых искусств!

<http://bllate.org/book/19978/1968395>